

ИСТОРИЯ ИСЛАМА

УДК 94(470.67)+821.411.21+929

М.А. Мусаев

Дагестанские арабографические биографические и историко-биографические сочинения второй половины XIX – начала XX века и место в них ученого-богослова XVII–XVIII вв. Дамадана ал-Мухи¹

Дагестанского научного центра РАН; mahachmus@gmail.com

Начиная с середины XIX в. дагестанские авторы создали ряд биографических и историко-биографических сочинений в рамках классических жанров арабской литературы. За несколько десятков лет был проделан путь от упоминания исторических личностей прошлых столетий до основательных трудов, базирующихся на изучении широкого круга источников, при создании которых использовались все доступные современной науке инструменты. В статье изучаются биографические очерки об ученом XVII–XVIII вв. Дамадане ал-Мухи, в контексте чего рассматриваются некоторые вопросы генезиса и эволюции дагестанской арабографической биографической литературы.

Ключевые слова: *исламская культура, арабская литература, Дагестан, Дамадан ал-Мухи, биографические сочинения, историческая мысль.*

Since the middle of the XIX century Dagestan authors have written a number of biographic and historical and biographical compositions in the frame of classical genres of the Arab literature. Over the tens years there had been made changes from just mentioning names of historic figures of last centuries to solid works based on studying of a wide range of sources and using all tools available to a modern science. In the article biographic essays about theologian of XVII–XVIII centuries Damadan al-Muhi are studied, in the context of which some questions of genesis and evolution of the Dagestani Arabic-script biographic literature are considered.

Keywords: *Islamic culture, Arabic literature, Dagestan, Damadan al-Muhi, biographical literature, historical thought.*

На протяжении многих веков Дагестан, несмотря на то, что являлся географической и политической периферией исламского мира, был активно вовлечен в общемусульманский культурный процесс. Дагестанские ученые-богословы пользовались богатым наследием арабо-мусульманской письменной культуры и сами создавали сочинения не только в сфере «религиозных наук», но и в других областях знаний. Известны исторические, биографические и историко-биографические труды дагестанских улема, которые позволяют нам говорить о наличии определенных традиций в этой области. Между тем при всем богатстве средневековой письменной культуры Дагестана довольно неожиданным выглядит отсутствие объемных сочинений вплоть до середины XIX в., несмотря на расцвет арабо-мусульманской культурной традиции в Дагестане именно в этот период. Ни крупным политическим событиям XVII–XVIII вв., ни появлению на авансцене ярких политических лидеров ни один дагестанский ученый-богослов не посвятил более страницы текста². Возможно, причина кроется в том, что масштабные сочинения не могли быть созданы в условиях политической и идеологической разобщен-

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ (№ 12-31-01221) «Дагестанские арабоязычные библиографические сочинения: комментированный перевод "Тараджим улама" и Дагистан" Али ал-Гумуки (Каяева)».

² Лапидарные записи о примечательных политических событиях, жизненных вехах и творческих успехах дагестанских ученых-богословов распространены в местной письменной традиции и, как правило, зафиксированы на полях и форзацах рукописей. Мы не исключаем возможности, что образцы исторических, биографических и историко-биографических трудов дагестанских авторов XVII–XVIII столетий будут найдены.

ности. Исторические предпосылки для этого сложились тогда, когда на политическую сцену вышло государство, претендующее на власть над всей территорией, заселенной суннитами Кавказа. Понимание, что для строительства коллективной идентичности, социальной и исторической памяти необходимым условием является общее видение событий и опыта, постепенно формирующих новый социум, вероятно, стало причиной, мотивировавшей имама Шамиля лично просить Мухаммад-Тахира ал-Карахи написать историю Имамата и содействовать ему в этом. В результате этого появился масштабный труд *«Барикат ас-суйуф ал-джабалийя фи ба'д ал-газават аш-шамиллийа»* («Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах»). «Блеск сабель» Мухаммад-Тахира был высоко оценен исследователями и историками, а также его современниками. Именно после него «на смену хронографам, историческим записям, хроникам пришли крупные исторические произведения, посвященные наиболее важным проблемам эпохи, выдающимся личностям» [14, с. 41].

В 1868 г. Абдуррахман ал-Газигумуки (1837–1901) завершил написание одного из своих трудов, историко-этнографического произведения *«Китаб тазкират саййид Абдаррахман ибн устад шайх ат-тарика Джамалуддин ал-Хусайни фи байан ахвал ахали Дагестан ва Чачан аллафаху ва катабаху фи Тифлис фи санати 1285»* («Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада, шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Сочинено и написано в Тифлисе в 1285 году») [4]. В работе содержится несколько глав, посвященных жизни и деятельности политических и военных лидеров и ученых-богословов Дагестана: «О первом имаме в Дагестане Газимухаммеде из Гимры и его войнах с русскими», «О втором имаме Гамзатбеке Гоцатлинском», «О делах третьего имама Шамиля из Гимры», «О дагестанских ученых». Одно из главных достоинств этого труда заключается в том, что, посвятив самостоятельную главу ученым-богословам, автор обращает внимание на роль и значение улема, что было связано с возросшей ролью богословов в общественно-политической жизни.

Еще одним автором, который в своем историческом труде уделил внимание биографиям ученых-богословов Дагестана в отдельном параграфе («Об умерших и здравствующих ученых преподавателях из дагестанцев»), стал Хасан Алкадари (1834–1910). В своем *«Асар-и Дагистан»* («Исторические сведения о Дагестане») [7], написанном на языке закавказских тюрков и завершеном в 1891 г., он дал характеристику творчеству нескольких десятков дагестанских богословов XVII–XIX вв. и сообщил об основных вехах их биографий.

Хасан Алкадари стал одним из зачинателей автобиографического жанра в дагестанской письменной традиции. Если в *«Асар-и Дагистан»* это всего лишь отступление от темы, то в полной мере этот жанр биографической литературы получил развитие в его арабоязычном *«Диван ал-Мамнун»* («Сборник поэзии ал-Мамнуна») [8; 16, с. 11]. Как писал академик И.Ю. Крачковский, «... по существу это его автобиография, в которую вкраплены в хронологическом порядке сочиненные им при разных обстоятельствах стихи, а частично и письма. Произведение представляет чрезвычайный интерес для всех событий, свидетелем которых был за долгую жизнь автор...» [12, с. 618].

Автобиографические мотивы встречаются и у Гаджи-Али (1819–1877), завершившего свое «Сказание очевидца о Шамиле» в 1859 г. [10, с. 4]. Трудно определить, не имея арабского текста этого сочинения (который еще не найден), где почерпнута идея Гаджи-Али написать о себе. Что же касается Алкадари, на его творчество оказал влияние *«Гюлистан-и Ирам»* 'Аббаса Бакиханова (1794–1846) [16, с. 10].

Если большая часть «автобиографии» Алкадари написана стихами, то Хайдарбек Геничутлинский (ал-Гиничуки, 1829–1883) один из своих очерков, посвященных хунзахскому правителю XVIII в. Умма-хану, создал арабской рифмованной прозой [5, с. 28].

В трудах Хайдарбека и Алкадари сочетается интерес к событиям, очевидцами которых они являлись, и к делам давно минувших дней. Сочинения же ал-Газигумуки и Гаджи-Али посвящены современным для них событиям. Это отражает определенную

тенденцию в дагестанской историографии середины XIX в., когда на смену историческим трудам, направленным на исследование прошлого с целью формирования исторических представлений у современного автору поколения, пришли труды, целевой аудиторией которых являются в большей степени потомки, нежели современники.

Желание сохранить в памяти потомков имена выдающихся соотечественников стало причиной создания «*Китаб фи байан шаджа'ат ал-батал Хаджи-Мурад*» («Книги о храбрых поступках героя Хаджимурада») Исхаком ал-Урми [15, с. 47] и «*Тарджамату хали аш-шайх Мухаммад б.Исма'ил ал-Йараги ал-Курали*» («Биография шейха Мухаммада, сына Исма'ила ал-Йараги ал-Курали») Исма'илом ал-Йараги [9, с. 442; 16, с. 9]. Это сочинения небольшого объема. Каждое посвящено биографии одной личности: первое – прославленному герою Освободительной войны, второе – высокообразованному ученому-богослову, шейху Накшбандийского тариката, наставнику двух имамов. Появление этих двух сочинений не случайно. С середины XIX в. центральными фигурами общественно-политической жизни Дагестана и, соответственно, исторических произведений становятся военные герои, ученые-богословы и политические лидеры, которых также можно отнести к богословам. Если даже интерес исследователя направлен на изучение биографий личностей предшествующих периодов истории региона, то объектами становятся также улемы и правители, заслужившие славу героев.

В связи с вышеизложенным интерес представляют сведения дагестанского ученого сообщества об улеме региона XVII–XVIII вв. Рассмотрение жизнеописания одного из них – Дамадана ал-Мухи (из Мегеба), может служить примером, позволяющим рассмотреть генезис и эволюцию жанра биографий в дагестанской литературе. В сочинении ал-Газигумуки он лишь упоминается как один из «ведущих ученых и правоведов, тексты и сочинения которых я видел или читал (отдельные) выражения, (то это): ... Дамадан из Мегеба...» [4, с. 83]. Также имя Дамадана встречается в анонимном сочинении «*ар-Риджал ал-маихурун*» («Биографии достойных ученых»). Сочинение состоит из трех разделов, первый из которых посвящен биографиям ученых, живших «до эпохи Шамиля», второй – периода имама Шамиля, третий – после пленения Шамиля. Они составлены в разное время и представляют собой перечень имен ученых-богословов. Изредка автор дает биографические справки, в частности о Мухаммаде из Кудутля и Муртадаали из Урада [16, с. 8–9].

Просопографические сочинения, к коим можно отнести труд ал-Газигумуки, не подразумевают широких исторических экскурсов. В анонимном сочинении это, пожалуй, вызвано незавершенностью форм и несовершенством композиции.

Хасан Алкадари не так лаконичен. Он написал: «Современником Магомеда Кудутлинского является известный в Дагестане истинный ученый Дамадан-эфенди Мугинский. Он был жителем Дагестанского селения под названием Муги, был универсальным ученым и, как видно из его произведений, занимался мистическими науками вроде науки о свойствах и соотношениях. Дагестанцы рассказывают о некоторых чудесах из его действий, что будто он владел искусством извлекать клады и создавать вещества, да помилует его Аллах. К современным им ученым относится также Таиб Харахинский, который является автором обстоятельных толкований на полях некоторых книг» [7, с. 159].

Другие биографические сочинения, а также исторические сочинения с соответствующими биографическими разделами, созданные в XIX в., нам пока не известны. Отметим, что в этот период появились замечательные образцы письменности, которые заложили основы для последующего создания дагестанскими авторами специализированных разножанровых биографических работ.

Причины появления значительного количества суфийских биографических сочинений в начале XX в. пока плохо изучены. Надо полагать, это связано с массовой высылкой суфийских шейхов и их мазунов и необходимостью фиксации информации для последователей, с внутрисуфийской борьбой, и др. В этот период на арабском языке были

созданы «*Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва садаг маша'их ал-Халидийа ал-Махмудийа*» («Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Хадилидийа-Махмудийа») Шуайбом ал-Багини (1857–1912), «*Сирадж ас-са'адат фи сийар ас-садат*» («Светоч счастья в биографиях великих шейхов») Хасаном ал-Кахи (1852–1937), «*Хикайа ва манакиб ал-маша'их ан-накшбандийина*» («Достоинства накшбандийских шейхов и рассказы о них») Шарафуддином ал-Кикунни (1875–1936).

Шуайб ал-Багини завершил написание своего «Табаката» в 1911 г. Третья глава посвящена восточно-кавказским шейхам из накшбандийской священной цепи духовной преемственности, начиная от Исмаила-афанди аш-Ширвани ал-Курдамири (1782–1848), заканчивая Ахмадом-афанди ат-Талали (1839–1903), а также дагестанским ученым-богословом. В композицию главы автор вплел три своеобразных параграфа: в первом из них ал-Багини пишет об учёных, которые не были шейхами, но уровень знаний которых позволяет их возвести в этот ранг; во втором параграфе рассказывается о шейхах, которые не обладали глубокими знаниями и, не имея наставников, в силу своей безудержной божественной любви достигли степени святости; третий посвящен тем, которые претендуют на шейхство, но не имеют ни знаний, ни наставника, ведущего по правильному пути, однако наставляют других в тарикате.

Шуайб пишет, что (перевод с арабского языка) «Дамадан б. Туфа ал-Мухуви¹ был блестящим и превосходным шейхом, чьи достоинства заключались в полной набожности, он был пронизательным ученым прекрасного ума». Автор не скупится на эпитеты, но в тексте содержится и конкретная информация: «Он родился, да будет доволен им Аллах, в 1061 году², имел стремление к наукам, и был, да будет доволен им Всевышний Аллах, искусен в науке единобожия. Люди полагали, что «*Шарх 'Акаид*» он знал наизусть, в науке «о свойствах букв»³ и науке об изменениях божественных имен был подобен ал-Буни⁴. Его наставником в этом был один ученый муж, имя которого я не знаю, из провинции (*вилаята*) Гянджа области (*нахийа*) Тифлис».

Далее он описывает два чудотворения, связанных с Дамаданом. В первом из них он в летний зной, выйдя совершить омовение, вернулся спустя непродолжительное время, и его друг заметил, что к его обуви прилип снег. Как оказалось, Дамадан побывал за это время высоко в горах. В другом случае Дамадан неожиданно появился в доме у Мухаммада из Кудутля: пока последний сокрушался, что рядом нет Дамадана, чтобы разделить с ним трапезу, он за короткий промежуток времени преодолел значительное расстояние между двумя селениями, между которыми два дня пути.

Шуайб дополняет, что у Дамадана чудотворения «удивительны, необыкновенны, и многочисленны», и «всё это не опишешь в книге». «Умер шейх Дамадан, да будет доволен им Аллах, в [месяце] сафар 1137 года⁵ в Гяндже, и похоронен там рядом со своим шейхом. На его [могиле] величественное сооружение – огромная благодать и исцеление тем, кто посещает ее, как об этом говорят посетившие ее».

К тексту имеется дополнение, где сообщается: «[Скончался шейх], когда провинция (*вилаят*) Гянджа была завоевана Усманкави-пашой, и когда Тифлис был в руках Величественного государства Османов» [11, с. 158–159].

¹ Разное произношение названия селения Меgeb на аварском и даргинском языках стали причиной параллельного существования в дагестанской письменной традиции двух *нисб* – «ал-Мухи» и «ал-Мухуви» (первый вариант предпочтительнее).

² 1061 г. х. начался 24 декабря 1650 г. по григорианскому календарю.

³ Научное направление, истоками которого является искусство написания талисманов. Подробнее см. статью Т. Фахда «Хуруф» [1, с. 595–596].

⁴ Ал-Буни, Ахмад б. Али ал-Буни, известный как шейх Шараф ад-Дин или Шихаб ад-Дин Ахмад б. Али б. Юсуф ал-Буни ал-Курши ал-Малики. Родился в городе Бунат (Аннаба) в Алжире приблизительно в 520 г.х., умер в 622 г.х.

⁵ По григорианскому календарю первое число этого месяца соответствует 19 октября 1724 года.

В других суфийских произведениях (ал-Кахи, ал-Кикунни) Дамадан ал-Мухи не упоминается.

Прогрессистские общественно-политические движения мусульман рубежа веков, в частности джадидизм, нашли своих приверженцев в среде мусульманских интеллектуалов Дагестана. В своих творческих поисках они обратились к теме истории религиозной мысли в регионе, результатом чего стали созданные видными дагестанскими просветителями Назиром ад-Дургили и Али ал-Гумуки биографические «словари» дагестанских ученых-богословов.

Назир ад-Дургили (1891–1935) составил словарь биографий мусульманских ученых Дагестана X–XX вв. «*Нузхат ал-азхан фи тараджим ‘улама’и Дагистан*» («Услада умов в биографиях дагестанских ученых») в 20-х гг. Он включает более 220 различных по объему содержащейся в них информации очерков, расположенных в хронологическом порядке. Автор в своем труде выделил только два раздела («Баб ал-абваб – город Дербент и его ученые-богословы» и «Ученые-богословы эпохи имама Шамиля»), которые весьма условны. Только изредка ссылаясь на источники, он создал своеобразный справочник. О Дамадане он пишет следующее (перевод с арабского языка): «Дамадан ал-Мухи (из Мегеба). Мегеб – это селение Андалалского общества (*нахийя*) между селением Чох и Гази-Кумух. Дамадан был одним из талантливых представителей Дагестана, выдающимся алимом, знающим, крупным специалистом по астрономическим таблицам и их использованию (*зидж*), а также в науке определения времени (*микат*). Он был современником ал-Кудуки. Ему принадлежат научные труды, свидетельствующие о его высокой квалификации и широте познаний в науках. Он был из тех, кто был особенно сведущ в науке «о свойствах букв» и определении благоприятного момента (*‘илм ал-харф ва ал-ауфак*), в астрономических таблицах (*зидж*), календарях и др. Он перевел на арабский язык с персидского «Зиджи» Улугбека ас-Самарсканди, использовавшиеся в Дагестане местными учеными. Ему принадлежит также «*Мухтасар ал-Фара’ид*». О нем рассказывают удивительные чудеса. Рассказывают, что он знает неизвестное Имя Всевышнего Аллаха (*исм Аллах ал-а’зам*), что когда обращается к нему, то Он отвечает на зов. Этому он научился у некоторых своих арабских учителей. Скончался он, да смилостивится над ним Аллах, в 1131 г. (1718–19 г.)» [3, с. 55–56; 4, с. 212].

Али Каяев (ал-Гумуки, 1878–1943) – автор двух связанных друг с другом биографических трудов. Первый из них «*Тераджим-и улема’и Дагыстан*» («Биографии дагестанских ученых-алимов») написан на «тюркском» языке. В настоящее время известны два списка этого сочинения, отличающиеся количеством статей и объемом информации в части из них. Биографии в них структурированы в хронологическом порядке, начиная с дербентских ученых XI в., завершая учеными XIX в.

Второй труд создавался Али Каяевым на арабском языке и не был им завершен. Он состоит из текста, написанного на 150 листах, и многочисленных вкладок в виде оригиналов документов и их копий, которые служили источником информации для автора. Каяев стремился придерживаться хронологического принципа, но структуры работа не имеет, как и *басмалы* и *хамдалы*, и по сути является незавершенной. Исследователи используют для него условное название «*Тараджим улама’и Дагистан*» («Биографии дагестанских ученых-богословов»). Некоторая информация, содержащаяся в тексте, позволяет предположить, что А. Каяев все еще работал над этим сочинением в 30-х гг. Между тем автор внес значительный вклад в изучение жизненного пути и творчества дагестанских ученых-богословов. Вот что пишется о Дамадане (перевод с арабского языка): «Дамадан ал-Мухи. Выдающийся ученый Дамадан Йа’куб¹ ал-Мухи; *нисба* его от названия селения Мегеб (Мухуб), расположенного у подножия горы Турчи, области Андалал. Население говорит на даргинском языке. Говорят, что они выходцы из селения Муги, одного из даргинских селений, откуда их предки переселились в дав-

¹ Ал-БагиниуказалимяотцаДамаданакак«Туфа».

ние времена на это место и обосновались там по неизвестным причинам. Несмотря на то, что они общаются с близлежащим населением, говорящим на двух языках, т. е. аварском и газикумухском, и все или же большинство знают эти оба языка, они сохраняют свой родной язык. Дамадан был выдающимся ученым своей эпохи в Дагестане в области шариатских и особенно рациональных наук, где ему не было равных. Он обучился шариатским знаниям, также постигал первоосновы рациональных наук у ученых Дагестана, в т. ч. у одного из выдающихся *устазов* Мухаммада-Амина, более известного по прозвищу Казакилав ал-Арчи. Также одним из его учителей в области риторики был выдающийся ученый Лабазанилав ат-Тиди, о чем пишет сам Дамадан. После этого он отправился в Азербайджан и Иран, где совершенствовал знания, полученные в Дагестане, а также обучался наукам, которых не было на родине. Он глубоко освоил все эти науки и стал знаменитым (*букв.*: тем, на кого указывают знаками и пальцами). Дамадан в совершенстве знал все основы и ответвления шариата и был из числа тех, кто считал, что решения следует получать из основных достоверных источников – Корана и хадисов, опровергая суждения правоведов, которые противоречат им. Он не был согласен следовать за кем-либо из людей, какой бы степени он не достиг. Вследствие чего он опровергал суждения шафиитских ученых о том, что отец или дед имеют право насильно выдать совершеннолетнюю разумную дочь за того, за кого им заблагорассудится, без ее согласия, даже за того, кто ей ненавистен. Он утверждал, что это противоречит достоверным хадисам, переданным в одной из глав «Отказ (Пророка) от выдачи замуж женщины за того, кто ей не нравится».

Среди рациональных наук, которыми он владел, были математика, «определение площади и объема», прямолинейная тригонометрия, астрономия, *зиджи* (астрономические таблицы и их использование), определение времени, химия, медицина, философия, логика. Во всех этих науках он был выдающимся из ученых и занимался обучением и пропагандой знаний среди населения Дагестана. Ради изучения наук к нему стекались студенты со всех уголков. Он перевел *зиджи* Улугбека вместе с комментарием к нему с персидского на арабский язык, которым владело большинство ученых Дагестана. Тем самым он открыл своим соотечественникам широкую дверь в эту важную область знаний, после чего те начали заниматься изучением ее и благодаря чему научились определять времена солнечных и лунных затмений, вычислять наступление лунных месяцев и производить другие астрономические действия. Он перевел на арабский язык книгу «*Тухфат ал-му'минин*» («Подарок правоверным»), которая в то время считалась одним из самых замечательных трудов по медицине. Это сочинение лекаря из Нитаса (?)¹ Мухаммада ал-Му'мина ал-Хусайни ад-Дайлами, которое он составил в честь персидского шаха Сулаймана и подарил ему. Тем самым он также открыл дорогу в науку врачевания ученым Дагестана. Они занялись ее изучением и лечением больных собственно медицинскими методами и медикаментами. Затем этот труд Дамадана был переведен одним из ученых Газикумуха на лакский язык в 1147 году в городе Хачмас по приказу правителя Чулак Сурхая. До сих пор этот лакский перевод сохранился на руках у людей, которые используют его во врачевании. Этот перевод известен у населения Газикумуха как «*Китаб Дамадан*» («Книга Дамадана»).

Дамадан также был одним из тех, кто считал возможным превращение одного минерала в другой при помощи химической реакции. Он резко осуждал тех, кто отрицал это, считая, что причиной их неверия является отсутствие подобающих знаний в этой области. Этот вопрос он поднимает в своем труде «*Тухфат ал-Му'минин*». Рассматривая природу материи, он объясняет суть химии и говорит следующее: «Химия – это сирийское слово, которое на арабском означает *иксир* (эликсир) – по схожей форме со словами *Инджилъ* или *Иблис*, производная от корня *кясара* – «ломать, переломать». Наука

¹ Он был рожден в Исфохане, родиной же его предков был городок Дайламан. См. статью Ф. Алакбарли и Э. Хаджиевой [2, с. 1].

эта получила такое название, потому что с ее помощью можно ломать материю, видоизменяя ее. Приготовленный эликсир может преобразовывать одну материю в другую, более совершенную. Количество эликсиров, известных по сей день, достигает четырех тысяч. Четыреста из них – для лечения болезней и недугов в виде настоек для приема внутрь; тысяча двести – талисманы; оставшиеся применяются для придания цвета, окрашивания. Когда речь ученых-медиков отдалается от понимания изучающих эту науку, некоторые начинают отрицать ее, видя несоответствие их суждений реалиям, а некоторые слепо верят в каждое слово. Они, говоря, что химия это суть всего (вар.: химия во всем), попадают в губительные сети теорий и начинают смешивать в пробирках то, что не имеет смысла – яйца, волосы, серу, ртуть. Человек, обладающий обширными знаниями и проницательным умом, не поняв посылы (вар.: теории) ученых, начинает отрицать эту науку. Стоило ли им отрицать то, что они не понимают. Слова их, говорит Дамадан, больше похожи на бред. Так, автор книги «Шузуз» говорит следующее: (рифмованной прозой с окончанием на -я) «Предположением и догадками не овладеть сутью науки, которая постижима только теми, кто достиг высот. Мне стыдно за того, кто надеется посредством предположений понять сокровенное. Мы унесем с собой в могилу наши знания, и нас не оплачут».

Дамадан писал: «На самом деле эта наука имеет мощные корни и твердую основу, и имеет многочисленные направления, среди которых наиболее предпочтительным является путь, подразумевающий разработку разных красок, лекарств и талисманов, профилактических средств».

Среди дагестанцев и ученых региона существовало мнение, что Дамадан получал золото и серебро с помощью алхимии так, что их невозможно было отличить от настоящих. Его образцы поддавались ковке и не ломались, как они ломались у других. Однако он скрывал свои способности, а другие и вовсе не занимались этим, как это было принято у прежних химиков. Также считалось, что Дамадан владел наукой магии чисел (*джафр*), более известной среди дагестанцев, как «наука о свойствах цифр», и что он знал книгу, которую называют «*Сиппу ар-Рабан*» («Божественные сокровенные») – одну из книг по этой науке. Он использовал ее для познания тайного, предсказывая людям то, что должно было случиться. Всегда получалось так, как он предсказывал. Рассказывается об одном из таких случаев. Однажды он, придя в селение Джар (Чар), центр Закатальского общества, увидел на пустыре огромный валун и рассказал людям, что русские на этом месте построят огромную крепость, а этот валун заложат в фундамент. Люди в то время даже не знали кто такие русские, только слышали о них. И случилось так, как сказал Дамадан. Русские на том месте построили крепость более чем через сто лет после предсказания Дамадана. В основу они заложили этот камень.

Умер Дамадан в 1137 году в городке Гянджа, где и похоронен.

Дамадан б. Йа'куб ал-Мухи перевел трактат по медицине «*Тухфат ал-Му'минин*» с персидского на арабский. Привожу введение к его переводу: «Во время захвата Шемахи была найдена книга по медицине «*Тухфат ал-Му'минин*», написанная на персидском языке Мухаммадом ад-Дайлами. Ни один ученый наших краев не пользовался ею. Однажды я имел беседу с нашим предводителем и правителем. Он заинтересовался этой наукой и спросил, есть ли кто-либо способный перевести эту книгу на арабский язык, чтобы мы могли ею пользоваться. Тогда я подумал про себя, что упомянутый экземпляр был лично составлен ее автором и подарен господину Сулейману-паше ал-Кизилбаши, а он был правителем рафидитов и двенадцатых шиитов в тысяча восьмидесятых годах [хиджры]. Что подобает мне перевести ее по мере своих возможностей, лично посвятить правителю правителей (*султан ас-салатин*), кладези достоинств и истин, достойному подражанию аскету и справедливейшему из набожных правителей Сурхай-беку¹, сыну покойного Гирай-бека, да продлит Аллах дни его правления наро-

¹ Казикумухский хан, правил в 1700–1741 гг.

дом, Амин! Я приступил к переводу с помощью Аллаха, с большим желанием в 1136 г. х. в последнюю декаду священного месяца мухаррам, хотя багаж моих познаний в этой области был скудным. О, читатели, если вы увидите ошибку и неправильное выражение в изложении текста или недостатки (в этой книге), то я надеюсь и прошу у вас их исправить и спрятать под одеянием блага и милости ради Всевышнего Аллаха. От этой работы получают благо правоверные, ведь медицина достойная наука, к которой тянутся знающие и избегают невежды. Всевышний Аллах говорит об этой науке: «Аллах дарует мудрость, кому захочет, а тот, кому дана мудрость, награжден великим благом» (Коран, 2:269).

Пророк сказал: Для всякой болезни найдется лекарство, кроме как против смерти. Ты знай, что я подобен муравью, подарившему Сулейману ножку саранчи и не было у него ничего другого. Дарить Сулейману ножку саранчи низко, но не с точки зрения муравья. (Выделенное курсивом это слова ад-Дайлами, включенное во введение Дамадана)» [6, с. 19–21].

Отметим, насколько быстро развивалась дагестанская арабографическая биографическая литература. Если в ранних работах лишь упоминались исторические личности прошлых столетий, то немногим более полувека спустя появились основательные труды, базирующиеся на изучении широкого круга источников, при создании которых использовались все доступные современной науке инструменты. Дагестанские авторы писали историко-биографические и исторические труды в классических для арабской литературы жанрах «Газкира» (Воспоминания), «Таварих» (История), «Манакиб» (Сравнение достоинств), «Табакат» (Разряды), «Тараджим» (Биографии). Безусловно, это свидетельствует, что дагестанская историография развивалась в рамках классических форм арабо-мусульманской литературы. Примечательным является не только жанровое разнообразие сочинений: они писались на разных языках; они могли быть посвящены одному лицу или нескольким, жившим и творившим на протяжении тысячелетия; они создавались прозой, стихами или рифмованной прозой; в сочинениях основное внимание могло уделяться или современникам автора, или представителям религиозных и политических элит прошлых веков; в сочинениях биографии могли располагаться в хронологическом порядке или исходя из композиционных задумок автора; сочинения могли иметь ярко выраженную суфийскую направленность; авторы могли описывать жизненный путь, деятельность и творчество ученых-богословов, политических и военных лидеров по отдельности или вместе.

Ученые-богословы XVII–XVIII в., в т. ч. Дамадан ал-Мухи, всегда вызывали интерес в дагестанском обществе, а изучение их жизнедеятельности шло поступательно. Если в середине XIX в. историки ограничивались упоминанием имени и общими фразами, то в начале XX в. дагестанская историческая наука преуспела в изучении творческого наследия и жизненного пути ученых-богословов Восточного Кавказа.

Литература

1. *Fahd T. Huruf* // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Leiden: E. J. Brill. – London: Luzac&Co, 1986. Vol. III.
2. *Farid Alakbarli, Esmira Hajiyeva. Muhammad Mumin and his Famous Work “Tuhfat al-Muminin (The Gift of True Believers)” (17th Century AD) // International Journal of the History and Philosophy of Medicine. – 2011. – Vol. 1.*
3. *Nadīr ad-Durgīlīs* (st. 1935) *Nuzhat al-adhān fi tarāğim ‘ulama’ Dāğistān / herausgegeben, übersetzt und kommentiert von Mikhael Kemper und Amri R. Šixsaidov // Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 4: Die Islamgelehrten Daghestans und ihre arabischen Werke. – B.: Klaus Schwarz Verlag, 2004.*
4. АбдурахманизГазикумуха. Книгавоспоминаний / пер. сараб. М.-С. Саидова; ред. пер., подгот. факс.изд., коммент., указ. А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. – Махачкала, 1997.

5. *Айтберов Т.М.* От переводчика // Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки / пер. с араб. Т.М. Айтберова. – Махачкала, 1992.
6. *Али ал-Гумуки (Каяев).* «Тараджим улама’и Дагистан» («Биографии дагестанских ученых-богословов») (рукопись, на арабском языке).
7. *Алкадари, Гасан-Эфенди.* Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане) / пер. и прим. Али Гас. Гасанова (Алкадари). – Махачкала, 1929.
8. *ал-Алкадари, Хасан.* Джираб ал-Мамнун. – Темир-Хан Шура, 1912 (на арабском языке); *Шихсаидов А.Р.* Письменные памятники Дагестана (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVII–XIX вв. – Махачкала, 1989.
9. Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. Краткий каталог / под ред. А.Б. Халидова. – М.: Наука, 1986. – Ч. 1.
10. *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VII. – Тифлис, 1873.
11. *ал-Багини, Шуайб б. Идрис.* Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа ва садат маша’их ал-халидийа ал-махмудийа («Поколения накшбандийских наставников и шейхов братства Хадилдийа-Махмудийа») (рукопись, на арабском языке).
12. *Крачковский И.Ю.* Арабская литература на Северном Кавказе // Избранные сочинения. Т. VI. – М.–Л., 1960.
13. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудотворство святых в дагестанском арабоязычном суфийском биографическом сочинении «Табакат ал-Хваджакан ан-накшбандийа ва садат машаих ал-Халидийа ал-Махмудийа» Шуайба ал-Багини // Исламоведение. – 2011. – № 4.
14. Саййид Абдурахман, сын Джамалуддина ал-Хусайни ал-Газигумуки ад-Дагестани. Краткое изложение подробного описания дел Шамиля: Калуга, 1281 г. х.: Хуласат ат-гафсил 'ан ахвал ал-имам Шамуил / пер. сараб., введ., коммент., указ. Н.А. Тагировой. – М.: Восточная литература, 2002.
15. *Хақрун Д., Амиров М.Г.* К вопросу об авторстве трех анонимных исторических сочинений из РФ ИИАЭ // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. – Махачкала, 1994.
16. *Шихсаидов А.Р.* Письменные памятники Дагестана (жанр биографий) // Письменные памятники Дагестана XVII–XIX вв. – Махачкала, 1989.

Поступила в редакцию 29 августа 2012 г.